

ВАЛЕРИЙ ЧЕКМАН

Вильнюсский университет

О причинах и механизмах развития закона открытых слогов в праславянском

Традиционные представления

На каком-то этапе своей истории праславянский язык превратился из *гетеросиллабического*, т.е. языка, в котором были допустимы как закрытые, так и открытые слоги, в *гомосиллабический*, т.е. язык, в котором все слова (кроме части односложных) состояли из открытых слогов.

Обычно полагают, что все изменения, способствовавшие становлению гомосиллабизма, или *закона открытых слогов*, в праславянском были вызваны действием *тенденции к открытому слогу* — целой серией внутренне взаимосвязанных фонетических преобразований, которая в свою очередь могла быть результатом более общей *тенденции к организации слога по принципу восходящей звучности*.

Описание изменений, в конечном итоге обусловивших гомосиллабический характер праславянского языка, составляет основное содержание его истории, хотя проблемы, связанные

- с определением набора изменений и
- последовательностью их осуществления,
- хронологическими рамками действия тенденции к открытому слогу и, особенно,
- общими причинами ее становления

трактуются исследователями по-разному.

Множественность и постоянное обновление решений (“гипотез”) в историческом языкознании, как и в исторических науках вообще, являются естественными и неизбежными; поэтому, перефразируя известное высказывание, можно утверждать, что в языках ничто не изменяется так быстро, как их праязыковые состояния. Далеко не всегда заметно, однако, что модификации представлений о сущности исторических процессов и их причин на каждом этапе развития науки в значительной степени обусловлены своеобразием теорий синхронического, описательного языкознания.

Объяснения причин фонетических изменений часто представляют собой упражнения в изобретательности. где произвольные догадки и предположения обычно называются “гипотезами”, хотя мало кто считает нужным раскрывать их имманентную логику, представляя в явном виде те более общие положения, на которых собственно гипотезы и должны основываться.

Чаще всего исторические изменения стараются “подчинить” некоторым логическим схемам (наиболее “респектабельной” из них является, например, принцип симметрии при реконструкции фонологических систем и их эволюции); изменения, произошедшие ранее других, нередко объявляются причинами последующих (хотя сама последовательность этих изменений может быть гипотетической); еще чаще указания на *фонетическую сущность* изменений трактуются как объяснение их причин (по модели “причиной перехода, например, *а в *о была лабиализация *а”) и т.д.

В данной статье предпринимается попытка еще раз обратить внимание на возможности использования *динамической модели* для объяснения причин развития тенденции к открытому слогу (о методах построения и структуре динамических моделей основных фонетических процессов праславянской фонетики, в том числе и тенденции к открытому слогу, см. [Чекман 1979]). Полагаем, что при анализе этого многоаспектного явления динамическая модель является особенно полезной, поскольку на ее основе возможно уточнить не только предположения о механизме становления, но и оценить вероятность взаимосвязей между отдельными изменениями, приписываемыми действию этой тенденции.

История формирования идеи о законе открытого слога в праславянском и тенденции к открытому слогу как причине его становления вкратце изложена Х. Бирнбаумом [1987, 105–109]. Концепции большинства авторов в этом обзоре подробно не рассматриваются, особое внимание в нем уделено только *теории слогового сингармонизма* Р. Якобсона и основанной на ней *теории группофона* В.К. Журавлева [там же, 106, 108–109], которые можно считать попытками обобщения указанных тенденций.

В своем обзоре Х. Бирнбаум упоминает работы А. Мартине [1952; 1955], посвященные анализу *типологических параллелей* праславянской гомосиллабичности на материале романских языков, и Г. Шевелева и Д. Чью [1969], где проведено сравнение с фактами японского языка. Х. Бирнбаум отмечает, что эти авторы проводят идею о том, что “открытослоговость” праславянского относится к числу “абсолютных универсалий и фреквенталий” [1987, 107].

Далее будет показано, что гомосиллабизм не только не относится к числу фреквенталий, но скорее наоборот, представляет собой довольно редкое явление в языках мира. В принципе, типологические параллели только подсказывают, встречается ли вообще то или иное реконструируемое явление в живых языках (или языках с хорошо документированной историей), и если встречается, то насколько часто; этим и ограничивается их значение.

Для того, чтобы нагляднее представить проблематику, связанную с изучением праславянской тенденции к открытому слогу, ниже анализируются теории о механизмах зарождения и последовательности ее реализации, изложенные в ряде известных работ по истории праславянского языка второй половины XX века.

1. Интересующие нас проблемы были подробно и на конкретном материале рассмотрены в свое время С.Б. Бернштейном.

По его мнению, после

- йотации согласных (задненебных и зубных, через промежуточную стадию мягких геминат), осуществившуюся “задолго до утраты закрытых слогов” [Бернштейн 1961, 167–168],

- делабиализации гласных заднего ряда после мягких (палатальных) согласных и их изменения в гласные переднего ряда [там же, 172–173],

- изменения *ē в *ā после йота и мягких (палатальных, возникших в результате йотации) согласных [там же, 173–176],

- делабиализации долгих и кратких губных, т.е. возникновения *у и *еров* [там же, 176–180],

которые были завершены *уже к III–II вв. до новой эры*, начался “новый период в истории праславянского языка”, связанный со “стремлением освободиться от закрытых слогов”, т.е. со становлением тенденции к открытому слогу [там же, 182].

При этом С.Б. Бернштейн особо подчеркивает, что “тенденция неуклонного возрастания сонорности слога”, или “стремление расширить сферу употребления открытых слогов за счет закрытых”, не были

“специфической особенностью только славянской группы. В той или иной степени это было свойственно и другим индоевропейским диалектам и позже отдельным группам индоевропейских языков. <...> В поздний период это приводило к утрате конечных согласных, к монофтонгизации дифтонгических сочетаний и мн. др. <...> Однако всюду это стремление проявлялось спорадически, охватывая отдельные стороны языка, его фонетической структуры. Среди всех индоевропейских языков только одна славянская группа убедительно свидетельствует о полном подчинении всей структуры языка тенденции к всеобщему распространению только открытых слогов и к полному упразднению закрытых” [там же, 182–183].

Что касается праславянского, то в нем

“Закрытые слоги не сразу подчинились указанной тенденции. Раньше всего эта тенденция подчинила себе слоги, в которых противоречие между структурой слога и новой тенденцией проявлялось в наибольшей степени. Речь идет о закрытых слогах на шумный согласный, прежде всего на шумный взрывной глухой (например, закрытый слог на [t]). Позже она охватила слоги на шумные фрикативные глухие, еще позже на шумные звонкие и, наконец, подчинила себе слоги на сонанты” [там же, 183].

Хотя в праславянском “переход закрытых слогов в открытые осуществлялся различными способами” [там же],

“Одним из древнейших проявлений тенденции открытого слога явилось исчезновение конечных согласных (выделено мною. — В.Ч.). Это в конце концов привело к возникновению протез. Мы не можем, однако, утверждать, что протезы возникли непосредственно за утратой конечных согласных” [там же, 184].

Явления, связанные с развитием гомосиллабического характера праславянского, составляют основное

“содержание истории праславянского языка последних веков дохристианской эры и первой половины I тысячелетия н.э. Непосредственно или опосредованно с ним связаны почти все фонетические процессы праславянского языка данной эпохи. Он оказал глубокое воздействие на многие стороны грамматического строя” [там же, 183].

Наблюдения и рассуждения С.Б. Бернштейна замечательны в целом ряде отношений. Во-первых, обращает на себя внимание предлагаемая им относительно поздняя *датировка* основных фонетических изменений, обусловивших тот облик праславянского языка, который отражен в традиционных реконструкциях праславянского лексикона. Во-вторых, рациональных аргументов для признания древнейшими таких явлений, как йотация, делабиализация гласных заднего ряда перед мягкими (палатальными) согласными, изменения *ē в *ā после йота и палатальных согласных, а также возникновение *y и еров С.Б. Бернштейном не приводится.

Если же учесть, что есть веские основания предполагать относительно поздний характер делабиализации праслав. *ī и *u (о чем далее) и что первые три из перечисленных изменений с не меньшей вероятностью могли осуществиться в рамках уже установившейся тенденции к открытому слогу, а также принять, вслед за С.Б. Бернштейном, что

- становление тенденции к открытому слогу относится к III–II вв. до нашей эры,

- ее развитие положило начало “новому периоду в истории праславянского языка”,

- исчезновение конечных согласных было одним из *древнейших* проявлений этой тенденции [Бернштейн 1961, 184],

- и непосредственно или опосредствованно с ней связаны почти *все последующие фонетические процессы праславянского языка*, то следует признать, что еще в III–II вв. до н.э. праславянский почти полностью сохранял *фонетический облик балтийских говоров*.

Это означает, что традиционно реконструируемые праславянские формы типа **okъno*, **suntь*, **dъnъ*, **dъno* в это время вполне могли звучать как **akunā*, **sūnus*, **dinis*, **dubnas* и под. (ср. совр. лит. *sūnis*, *dūgnas*). Кстати, Г. Хольцер акцентирует, что и после отпадения конечных согласных, проблемы хронологии которого он не рассматривает, праславянский сохранял архаические признаки, “напоминающие балтийские” еще во время миграций славян на Балканы [см.: Holzer 1998, 58 и др.].

Фактически в истории праславянского языка С.Б. Бернштейн четко выделяет два этапа или периода — до начала действия тенденции к открытому слогу и после ее становления. Используя терминологию современной дискуссии, первый может быть назван *протославянским* (языком или периодом), а второй — *общеславянским* или *праславянским*, см. [Andersen 1985 (1986); Birnbaum 1987 (1989); Lunt 1997]. Такая интерпретация идей С.Б. Бернштейна является тем более вероятной, что им особо подчеркивается исключительно последовательный, не имеющий аналогий в других индоевропейских языках, инновационный характер тенденции к открытому слогу в праславянском, где она наложила “глубокий отпечаток не только на структуру слога, но и на фонетический и морфологический облик праславянского языка” [Бернштейн 1961, 182].

Для нас особенно важно отметить, что С.Б. Бернштейн не усматривает какой-либо имманентной причинно-следственной связи между фонетическими изменениями, закончившимися, по его мнению, к III–II вв. до н.э., и становлением тенденции к открытому слогу. Не связано зарождение этой тенденции и “с периодом установления древнейших праславянских изоглоссных областей”; иными словами: “Между указанной тенденцией и распадом единого диалекта на ряд поддиалектов и говоров нет внутренней связи” [там же, 184].

Предложенная ранее гипотеза о том,

“что тенденция открытого слога возникла под воздействием субстрата (возможно, неиндоевропейского), который был поглощен праславянским языком на рубеже двух эпох <...> мало что дает историку праславянского языка, так как не опирается на положительные данные” [там же, 183].

Как видим, тенденция к открытому слогу оказывается не обусловленной ни внутренними, ни внешними (социолингвистическими) факторами. Такое понимание ее природы открывает возможность реконструкции диахронического среза, когда ни в самом языке, ни в условиях его функционирования еще ничего не произошло, а тенденция уже *зарождается* или *зародилась*, *начинает действовать*,

являясь в течение длительного времени основной причиной все новых и новых изменений. Именно так понимает основную идею доклада С.Б. Бернштейна на V Съезде славистов Х. Бирнбаум, отмечая, что, по мнению его автора,

“Закон открытых слогов мотивирует сдвиг границы слога, что в свою очередь ведет к значительным фонетическим изменениям. До действия этого закона слоговая структура общеславянского языка характеризовалась большой стабильностью межслоговых границ, что придавало слогам определенную автономность (внутри слова), таким образом защищая их от воздействия звуков других слогов” [Бирнбаум 1987, 106].

Понимание природы тенденции как множества взаимосвязанных и целенаправленных изменений, которые не обусловлены какими-либо предшествующими изменениями в структуре языка, мы называем *телеологическим* (т.е. как бы “заданным свыше”); забегая наперед, отметим, что оно стало основным и определяющим как в ряде теоретических работ, так и в учебных пособиях, опубликованных в последующие годы.

2. Механизм становления тенденции к открытому слогу на основе рассмотренных выше представлений попытались концептуализировать авторы коллективной монографии *Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов* [Вступ 1966], опубликованной пятью годами позже (работы С.Б. Бернштейна ими при этом не цитируются). После описания результатов йотации согласных и изменения гласных после йота, которые здесь также рассматриваются в качестве древнейших, отмечается, что

“Процесс усиления взаимосвязи между компонентами каждого отдельного слога в слове означал также укрепление фонетической автономности слога в границах слова и дальнейшее обострение (укр. *увираження*) границ слогов в слове. Эта сторона общей тенденции проявилась с особой последовательностью в действии так называемого закона открытых слогов, или, иначе, тенденции к восходящей сонорности слога.

Вследствие действия этой тенденции каждый слог, который оканчивался на неслогообразующий согласный, во всех словах праславянского языка перестроился таким образом, что на конец слога начал приходиться самый звучный его элемент. В связи с этим произошел целый ряд закономерных позиционных изменений, которые затронули фонемный состав праславянского языка в целом, либо ее отдельных слов, либо же просодических особенностей структуры языка, в частности, его слогоделения” [Вступ 1966, 46].

Как видим, предполагается, что импульс к обобщению открытых слогов на все позиции дала именно йотация согласных (т.е. их пре-

образование под влиянием последующего йота), осуществление которой означало “укрепление фонетической автономности” слогов в рамках слов. В чем конкретно состояло *укрепление этой автономности*, непонятно, но именно оно дало начало тенденции к построению слога по восходящей звучности, что обусловило в конечном итоге и упрощение групп согласных внутри слова, и отпадение конечных согласных.

3. Иначе причины и последствия тенденции к открытому слогу трактуются в известной работе Г. Шевелева [1965]. Согласно его гипотезы, “общеславянский из ‘фонематически вокалического’ языка начал преобразовываться также в ‘фонетически вокалический’”, поскольку уже на самых первых этапах своего существования он “*был языком с преимущественно открытыми слогами, несмотря на существование или отсутствие групп согласных*” (выделено мною. — В.Ч.); со временем

“артикуляция согласных в позиции между гласными стала своего рода небрежной, что особенно отразилось на смычных перед согласными, обусловив дальнейшую ассимиляцию этих смычных последующим согласным. <...> С точки зрения фонологии праславянское упрощение групп согласных <...> не привело к каким-либо изменениям. Оно затронуло только особенности дистрибуции фонем, но не структуру фонем” [Shevelov 1965, 205].

Таким образом, гетеросиллабичность праславянского языка была устранена, по Г. Шевелеву, вследствие обобщения открытых слогов на все позиции в слове, которые исконно преобладали в потоке речи. Для объяснения причин упрощения групп согласных реконструируются весьма тонкое и трудно наблюдаемое в живых языках фонетическое явление — ослабление (небрежный характер) артикуляции предшествующих смычных. Оба изменения Г. Шевелев относит к числу обычных и частых “тенденций”, время и место реализации которых предвидеть невозможно [там же, 626]. Естественно, что при таком подходе не имеет значения, когда зародилась собственно праславянская тенденция к открытому слогу в узком смысле, какие изменения были вызваны ее действием и какова была (или могла быть) их последовательность. В частности, Г. Шевелев принимает, что

- одним из первых изменений в праславянском было именно устранение геминированных согласных и большинства сочетаний согласных;
- затем последовало исчезновение конечных согласных;
- а “после устранения групп согласных и возникновения протетических согласных последовала тенденция к развитию слогов с

восходящей волной звучности, которая привела к монофтонгизации дифтонгов” [там же, 627].

Идеи Г. Шевелева и цитированные выше предположения авторов *Вступя* [1966] объединяет то, что в том и другом случае фонетические особенности именно внутренних слогов — их количественное преобладание в потоке речи, по Г. Шевелеву, и “усиленная их автономность” во *Вступе* — рассматриваются в качестве импульса к обобщению открытых слогов на все позиции. Кроме того, в обоих случаях допускается также “естественный” характер явлений, образующих тенденцию к открытому слогу или связанных с нею (хотя во *Вступе* это не раскрывается в явном виде); иными словами, гомосиллабизм трактуется как обычная “стихийная” *фреквенталия* в терминах Б. Серебренникова [1974], а не яркое праславянское новообразование, наложившее, говоря словами С.Б. Бернштейна, глубокий отпечаток на фонетический и морфологический строй этого языка.

Наконец, в обеих работах предпринимаются попытки объяснить причины зарождения тенденции к открытому слогу ссылками на такие явления, между которыми в засвидетельствованных языках причинно-следственных связей не наблюдается.

Действительно, авторы *Вступя* полагают, что палатализации заднеязычных способствовали “укреплению автономности слога”, что и привело к развитию этой тенденции. Но, во-первых, непонятно, что такое “усиленная автономность слога” и как обнаружить, что в одних языках слог более автономен, чем в других; вообще, понятие большей/меньшей автономности слога в описательной фонетике неизвестно. Кроме того, палатализации (точнее, палатации) относятся к числу часто наблюдаемых явлений в самых различных языках, но далеко не во всех случаях в этих же языках развивается тенденция к открытому слогу.

Предположение Г. Шевелева о том, что тенденция к открытому слогу возникла вследствие количественного преобладания открытых слогов уже в индоевропейских диалектах, легших в основу праславянского, а затем и в самом праславянском, также не поддается типологической верификации, поскольку, как показали типологические исследования В.В. Шеворошкина, внутренние (инлаутные) открытые слоги преобладают в большинстве языков мира [1969, 89 и след.], в то время как лишь немногие из них являются гомосиллабическими (подробнее см. [Чекман 1979, 125–126]).

4. Дискуссию по поводу тенденции к открытому слогу в 60-ые гг. значительно оживили работы В.К. Журавлева, в которых развивалась

идея о группофонеме как основной (базисной) фонологической единице праславянского языка. По его мнению, праславянская тенденция к *слоговому сингармонизму* обусловила два важнейших явления — делабиялизацию гласных и палатализацию согласных перед гласными переднего ряда; последовавшая затем *генерализация* открытых слогов типа *C°V и *C'V на все позиции, трактуемая как *вытеснение остатков фонем*, стала причиной упрощения инлаутных сочетаний согласных, развития протетических согласных, йотации, монофтонгизации дифтонгов, а также отпадения конечных согласных (см. обзор работ В.К. Журавлева в [Бирнбаум 1987, 108–109, 197–198]).

Нетрудно заметить, что оригинальность гипотезы В.К. Журавлева состояла только в том, что идея о существовании слогового сингармонизма *на поздних этапах* развития праславянского языка (т.е. уже в эпоху открытых слогов, как это предполагал Р. Якобсон [1929, 8, 20 и др.]) была истолкована им как *проявление тенденции* к развитию слогов *C°V и *C'V *на ранних этапах* его (языка) существования. Предполагаемый же механизм становления праславянской гомосиллабичности — *генерализация* слогов *C°V и *C'V на все позиции — является не чем иным, как знакомым нам процессом *обобщения* открытых слогов, на котором основаны рассмотренные выше гипотезы.

5. В работах, опубликованных в последующие десятилетия, существование закона открытых слогов в праславянском принимается как несомненная данность, вопросы о механизмах и причинах его становления не обсуждаются, а описания конкретных фонетических изменений используются просто для иллюстраций проявления этого закона. Так, согласно Р. Бошковичу,

“Наиболее наглядно праславянский закон открытого слога проявился в возникновении и упрощении групп согласных (курсив мой. — В.Ч.). Его сущность сводилась к следующему: никакой согласный в известный период развития праславянского языка не мог закрывать слог — все согласные отходили к последующему слогу. В языковом отношении он проявлялся следующим образом: если в начале слова не могло употребляться какое-либо сочетание согласных, то оно не могло употребляться и в начале слога” [Бошкович 1984, 120].

“В конце слова в праславянском языке было представлено всего пять согласных: d, t, n, s, r. Все они редушировались, утратились. <...> Утрата указанных согласных была связана с законом открытого слога” [там же, 125].

В то же время остается непонятным, когда и почему этот закон сложился, т.е. не предполагается, что какие-то явления могли обусловить

его. Это означает, что, хотел этого автор или нет, закон открытого слога мыслится здесь как некая нематериальная сила, способствующая изменениям, ведущим к определенной цели. Иными словами, проявления закона открытых слогов тракуются Р. Бошковичем телеологически (см. выше).

Рассмотренные выше положения С.Б. Бернштейна и идею авторов *Вступа* об особой “спаянности” гласного и согласного в слогах *CV* после осуществления йотаций и последующего обобщения слогов *CV* на все позиции практически принимает А. Лампрехт, полагая при этом, что гомосиллабический характер праславянского языка был повторением аналогичной особенности праиндоевропейского языка, ср.:

“В праславянском языке с установлением тесной связи между согласными и гласными в рамках слога, или в рамках слогового сингармонизма, который со всеми последствиями проявился в 1-ой палатализации и праславянских перегласовках, началась развиваться тенденция к тому, чтобы слог заканчивался гласным. Это было подлинное возвращение (словац. *jistý návrat*) к старой праиндоевропейской структуре *CACA* <...> Эта тенденция к так наз. открытым слогам, известная как так наз. закон открытых слогов или закон к восходящей звучности слога, действовала в течение всего периода существования классического праславянского языка, т.е. от упомянутых палатализаций и праславянских перегласовок и до метатаезы плавных (до 800 г. н.э.)” [Lamprecht 1987, 42].

Своеобразную позицию при трактовке интересующих нас проблем занимает З. Штибер. Он отмечает, что начиная с IV–V вв. н.э.(!) праславянский консонантизм отличался от праиндоевропейского отсутствием и.-е. *шва*, отсутствием придыхательных, наличием спирантов *s и *z на месте и.-е. палатальных, наличием *x < и.-е. *s после *i, *u, *r, *k, а также “исчезновением конечных согласных и упрощением групп согласных (курсив мой. — В.Ч.), что касалось уже не самой фонологической системы, но дистрибуции согласных фонем” [Stieber 1979, 66].

Первые четыре отличия являются результатами общих балтославянских инноваций и относятся к числу древнейших, протославянских изменений, несомненно осуществившихся задолго до начала нашей эры, что З. Штибер вряд ли стал бы оспаривать. Следовательно, собственно праславянскими и более поздними инновациями могли быть только отпадение конечных согласных и упрощение инлаутных групп согласных; учитывая это, упоминание о IV–V вв. н.э. в данном контексте следует рассматривать не как попытку датировать какое-либо из перечисленных явлений — в том числе и развитие

гомосиллабизма, а просто как *констатацию факта их свершения к этому времени*.

Важно, однако, что именно исчезновение конечных согласных и упрощение внутренних групп согласных З. Штибер относит к числу древнейших праславянских. В то же время он никак не связывает это изменение с последующими явлениями праславянской фонетики и, говоря о перестановке плавных и полногласии, исчезновении в части праславянских диалектов групп *il*, *dl* и возникновении носовых гласных [там же, 83], не ссылается ни на тенденцию к открытому слогу, ни на тенденцию к восходящей звучности слога как их возможную общую причину.

Двойственное впечатление оставляет изложение этих же проблем Т. Карлтоном. Его подход к объяснению причин тенденции к открытому слогу кажется телеологическим, о чем может свидетельствовать следующее высказывание:

“Начиная с очень раннего времени, все различные изменения в праславянском были направлены на придание ему слоговой структуры (англ. *all tended to give the language a syllabic structure*) типа CVCVCV (где С — любой согласный; V — любой гласный). Иначе, каждый слог должен был оканчиваться на гласную, образуя так называемый открытый слог. *Одним из проявлений этой тенденции является утрата всех конечных согласных*” (курсив мой. — В.Ч.) [Carlton 1991, 100].

Очевидно, если принять, что отпадение конечных согласных является лишь *одним из проявлений* тенденции к открытому слогу, то тем самым предполагается, что закон открытого слога в праславянском устанавливается до начала каких-либо иных преобразований (т.е. является “заданным свыше”).

Дальнейшее же перечисление изменений, вызванных действием тенденции к открытому слогу, указывает на их последовательность после отпадения конечных согласных, ср.:

“В рамках этой тенденции происходило также *упрощение многих инициальных групп согласных* (при сохранении двухчленных с последующими сонорными и трехчленных групп с начальными фрикативными *s, *z, последующими взрывными *p, *b, *t, *d, *k, *g + *r и под.)” [там же, 101].

“На этом этапе истории праславянского не было ограничений на *слоги, оканчивающиеся на сонанты*, т.е. на глайды (*j, ɟ*), плавные (*l, r*) или носовые (*m, n*). Поэтому слог типа, *teja, teɟta, telta, terta, temta* или *tenta* были еще приемлемыми, но и они подвергнутся изменениям (англ. *will all undergo restructuring*) в более позднее время, сделавшими их подобными праславянской классической форме слога *CV*” [там же, 117].

“До этого времени слоги типа *СЎпCV* или *СЎтCV* были вполне возможны в праславянском. Теперь общая тенденция допускать только открытые слоги затронула также и *данный тип слогов*” [там же, 126].

“Общая тенденция допускать только открытые слоги начинает охватывать теперь и *слоги, оканчивающиеся на сонорный*” и т.д. [там же, 144–145] (в цитатах курсив мой. — В.Ч.).

При этом остается неясным, можно ли считать, что именно отпадение конечных согласных инициировало перечисленные изменения, или же Т. Карлтон полагает, что все они, в том числе и отпадение конечных согласных, обусловлены действием закона открытого слога. Кстати, ни один из рецензентов его книги не рассматривает (не подвергает сомнению?) понимание причин праславянского закона открытых слогов, принимаемого автором (см., напр., [Balakrishnan 1994]).

Итак, почти во всех рассмотренных выше работах признается существование в праславянском *тенденции к открытому слогу*; движущей силой большинства праславянских фонетических изменений не признает ее только З. Штибер (что, видимо, характерно для польской лингвистической традиции вообще, если судить, например, по последней статье Л. Беднарчука [Bednarczyk 2002]).

С.Б. Бернштейн не указывает никаких причин для ее развития; авторы *Вступа*, вслед за ними и Лампрехт, полагают, что такой причиной могла стать особая “спаянность” праславянского слога, о чем свидетельствует, по их мнению, йотация, якобы предшествующая тенденции к открытому слогу.

Согласно Г. Шевелову, закон открытых слогов установился вследствие обобщения (генерализации) открытых слогов, преобладавших в праславянской речи, на все позиции в слове.

При этом большинство исследователей в явном или неявном виде допускает, что сама эта тенденция ничем не мотивирована, т.е. по их представлениям она возникла и установилась как бы “сама по себе”; такого рода “объяснения”, как уже подчеркивалось выше, мы называем *телеологическими*.

Телеологическое объяснение тенденции к открытому слогу стало нормой в университетских пособиях и курсах в качестве удобного дидактического приема и обычно излагается по схеме:

в праславянском установилась (начала действовать, сложилась) тенденция к открытому слогу;

вследствие этого произошли такие-то и такие-то преобразования, после осуществления которых праславянский стал языком открытых слогов.

Но кажется совершенно очевидным, что телеологическое (в указанном смысле) объяснение причин в рамках любой теории не может безоговорочно считаться научным объяснением *sensu stricto*. По

существо, это просто констатация самого факта существования праславянского гомосиллабизма и признание того, что причина его неизвестна. Именно поэтому ранее и предлагалось не считать термин *тенденция* способом указания на общую причину отдельных изменений [Valliant 1950, 285], т.е. не приписывать ему значения, предполагающего указание на причинно-следственные отношения (см. также [Rusu 1970, 495–497]). Однако исследователи, в явном или неявном виде принимающие телеологическое обоснование природы тенденции к открытому слогу, за это не порицаются, поскольку существование гомосиллабизма в праславянском является очевидным фактом, а “телеологическая составляющая” гипотез о причинах изменений удачно маскирует их под объяснения имманентных причин фонетических изменений, которые, сколь бы натянутыми они ни были, в историческом языкознании всегда считаются солидными и подлинно академическими.

Вполне возможно, что телеологическое “обоснование” может быть косвенным способом признания двух обстоятельств: во-первых, тенденция к открытому слогу начала развиваться вследствие общей *неустойчивости* фонетико-фонологической системы праславянского языка, т.е. она была обусловлена некоторыми унаследованными особенностями строения его фонологической системы в целом (своеобразием реализации отдельных фонем, конфигурацией отдельных подсистем, особенностями дистрибуции фонем и под.); во-вторых, гомосиллабизм явился отражением слоговой структуры какого-то языка, оказавшего значительное влияние на праславянский.

В первом случае телеологическое обоснование будет означать, что нам известны некоторые параметры или признаки, свидетельствующие о большей или меньшей степени *устойчивости/неустойчивости* соответствующих систем в целом, а второй должен быть основан на знании основных особенностей контактирующих языков и/или закономерностей поведения языков в условиях контактов. Насколько нам известно, возможность такой интерпретации никем не рассматривалась.

Если телеологическое “объяснение” причин развития тенденции к открытому слогу бессодержательно с общенаучной точки зрения, то предположения о возможности *обобщения* или *генерализации* внутренних (инлаутных) открытых слогов на все позиции в слове как основном механизме ее становления являются необоснованными с *фонетической* точки зрения. Со всей очевидностью это показывают результаты *типологической верификации* этих предположений — как оказывается, они находятся в противоречии с известными правилами соотношения внутренних (инлаутных) и конечных (аусллаутных) слогов и не подтверждаются данными типологии, о чем далее.

Учитывая сказанное, можно утверждать, что причина и механизмы развития гомосиллабизма в праславянском языке в рассмотренных выше работах по истории праславянского языка не нашли удовлетворительного объяснения.

Типологическая верификация гипотез о механизмах развития гомосиллабизма

Динамическая модель тенденции к открытому слогу

На основе правил *функционального* слогаделения [Курилович 1962, 262–306; 307–323], с учетом закономерностей строения слов, выявленных Дж. Гринбергом [1964], и специальных наблюдений над особенностями структуры и дистрибуции слогов в гомосиллабических языках [Чекман 1979, 125–129] нами было сформулировано несколько общих типологических закономерностей. “Обращение их в диахронию” позволило построить *динамическую модель* тенденции к открытому слогу, т.е. сформулировать ряд диахронических импликаций, вытекающих из этих закономерностей.

Основной закономерностью слоговой структуры слова является типологическая универсалия

(1) *если в данном языке закрытые слоги возможны в конце слов (ауслуауте), то они возможны и в середине слов (инлауте), и важнейшее следствие из нее*

(1a) *в инлауте не могут быть только и только открытые слоги, если в ауслуауте (в конце слов) допускаются закрытые слоги.*

Диахроническими импликациями универсалий (1) и (1a) являются утверждения (их “обращение в диахронию” отмечено знаком (→)):

(→1) *закон открытых слогов устанавливается (начинает действовать) только после того, как открытыми станут конечные слоги;*

(→1a) *исключено, что закон открытых слогов сначала установится по отношению к срединным слогам, а конечные слоги станут открытыми после того, как открытыми станут все срединные слоги.*

Учитывая природу сравнительно-исторических гипотез, эти правила могут быть сформулированы в более мягкой форме — как утверждения о том, что последовательность явлений (→1) и (→1a) *наиболее вероятна с типологической точки зрения.*

В любом случае из этих импликаций вытекает несколько положений, важных для оценки реалистичности (или типологической верификации) гипотез о механизмах становления закона открытых слогов, принятых в рассмотренных выше работах.

Первое, отпадение конечных согласных не может (или вряд ли может) быть *результатом* действия тенденции к открытому слогу, поскольку эта тенденция становится реальностью, начинает действовать только после того, как открытыми стали конечные слоги; следовательно, едва ли есть основания говорить о существовании тенденции к открытому слогу в праславянском до отпадения конечных согласных.

Второе, различного рода нерегулярные, спорадические упрощения инлаутных групп согласных и, как следствие этого, возможное уве-

личение количества открытых инлаутных слогов при наличии в языке конечных закрытых слогов не может рассматриваться как проявление (действие) тенденции к открытому слогу — поскольку, как следует из первого, она еще не существует (не установилась).

Третье, учитывая то, что гомосиллабические языки являются довольно редкими, в то время как открытые слоги преобладают в абсолютном большинстве языков мира, вряд ли есть основания утверждать, что тенденция к открытому слогу может быть следствием генерализации открытых слогов на все позиции; если бы такая генерализация была в принципе возможной, то следовало бы ожидать, что в языках мира гомосиллабизм бы преобладал (т.е. большинство известных нам языков были бы языками открытых слогов).

Диахроническая импликация типологической закономерности

(2) в языках с конечными слогами, оканчивающимися на гласный, могут быть также инлаутные слоги, завершающиеся сонорными согласными, и в редких случаях — геминатами (чаще сонорными, реже сонорными и смычными),

сформулированной на основе данных обследованных нами гомосиллабических языков, означает, что

(→2) отпадение конечных согласных неизбежно приводит к устранению прежде всего инлаутных слогов, закрытых смычными согласными; инлаутные слоги, закрытые сонорными, могут сохраняться (геминаты, насколько можно проследить, возникают при этом вследствие ассимиляции в инлаутных группах согласных).

Иными словами, в процессе становления гомосиллабизма слоги, закрытые сонорными, либо вообще не преобразуются в открытые, либо вследствие тех или иных изменений становятся открытыми в последнюю очередь, т.е. после устранения слогов, закрытых смычными.

Анализ особенностей строения известных нам гомосиллабических языков показал также, что в них могут сохраняться

- сочетания согласных с йотом (*Cj*),
- дифтонги различного типа,
- начальные неприкрытые слоги (т.е. слоги типа *V-* в начале слов).

Эти факты дают основание полагать, во-первых, что *йотация согласных и монофтонгизация дифтонгов* как диахронические преобразования вряд ли вообще обусловлены тенденцией к открытому слогу. Действительно, они никак не связаны с закономерностями слоговой структуры слова; кроме того, они вообще довольно часто происходят в различных языках, т.е. являются фреквенталиями, и потому просто *сопутствуют* основным явлениям тенденции к открытому слогу (отпадению конечных согласных и упрощению инлаутных групп согласных).

Во-вторых, поскольку неприкрытые анлаутные слоги вполне допустимы в гомосиллабических языках, то устранение их в результате развития протетических согласных едва ли можно рассматривать как *обязательное* следствие тенденции к открытому слогу. В принципе начальные *V*- слоги могут быть в определенной степени связаны с базовыми в результате обобщения определенных правил слогоделения, как это предполагал Й. Миккола, утверждавший, что

“в праславянском устанавливается определенная согласованность (нем. *eine Kongruenz*) между инлаутными согласными и согласными начала слога, и вследствие этого каждое сочетание и.-е. (пра)языка в середине слова преобразовалось *по модели анлаута* (выделено мною. — В.Ч.)” [Mikkola 1942, 157–158],

и если сочетания согласных были допустимы *в начале слова*, то они были допустимы (сохранялись) и в середине слова, напр.: *ve|sna — sně|gъ*; *o|smъ* ‘восьмой’ — *smě|хъ*; *jь|skra — skre|bъ* и т.д. (хотя и были исключения типа **sedmъ*) [там же, 159].

Судя по данным литературы, позиционное смягчение согласных перед гласными переднего ряда или тембровая корреляция палатализованных/непалатализованных согласных наблюдается в гомосиллабических языках лишь изредка. На этом основании можно утверждать, что позиционное смягчение не может стимулировать развития гомосиллабизма, а действие тенденции к открытому слогу не обязательно предполагает развитие позиционного смягчения; иными словами, между этими явлениями вряд ли существуют причинно-следственные связи.

Еще меньше вероятность существования такой связи между развитием гомосиллабизма и делабиализацией гласных (и следовательно, возникновением веляризованных согласных, как это предполагается в теории группофона).

Не исключено, что авторы синхронических описаний особенностей языков, которыми мы располагали, не всегда фиксировали позиционное смягчение согласных *и/или* не всегда адекватно интерпретировали фонетическую природу палатализованных согласных, и потому предположение о степени распространенности этих явлений в гомосиллабических языках может быть со временем уточнено (подробнее см. [Чекман 1979, 127–128]); это же касается и проблемы (лабио)веляризованных согласных.

Итак, с учетом положений динамической модели закономерностей развития гомосиллабизма можно предполагать, что набор изменений, составляющих праславянскую тенденцию к открытому слогу, и их иерархия были следующими.

Начало действия этой тенденции было обусловлено отпадением конечных (ауслатных) согласных; до этого изменения тенденции к открытому слогу не существовало и существовать не могло.

В результате отпадения конечных согласных конечные слоги в праславянском становились открытыми, это повлекло за собой упрощение внутренних групп согласных. Эти изменения жестко взаимосвязаны и являются *базовыми* в процессе и истории становления гомосиллабизма. При этом инлаутные слоги, закрытые сонорными согласными (носовыми и плавными), устранялись после ликвидации инлаутных слогов, закрытых смычными согласными.

Йотация согласных в сочетании с неслоговым [j], а тем более палатация заднеязычных, как не связанные с особенностями слоговой структуры слова, в принципе не могут быть составляющими тенденции к открытому слогу; иными словами, эти изменения не могут ни стимулировать ее становление, ни быть ее непосредственным следствием.

Развитие протетических согласных, как было показано выше, не является обязательной составляющей тенденции к открытому слогу, но если они возникают после базовых изменений, то их обусловленность именно тенденцией к открытому слогу кажется правдоподобной.

Поскольку монофтонгизация дифтонгов не является непосредственным следствием ни отпадения конечных согласных, ни упрощения групп согласных, то связь ее с тенденцией к открытому слогу также не является безусловной и обязательной.

Развитие праславянского гомосиллабизма в свете типологических данных

Известно, что преобладание открытых слогов в потоке речи на любом языке является несомненным фактом [Шеворошкин 1969, 89 и след.], и нет никаких оснований полагать, что праславянский на любом этапе своего развития как-то отличался в этом отношении от других языков, живых или мертвых. Если бы праславянский гомосиллабизм возник вследствие генерализации открытых слогов, то мы должны были бы ожидать, что такая генерализация будет обычным и распространенным явлением, т.е. фреквенталией. В свою очередь, это означает, что гомосиллабические языки должны были бы составлять либо большинство среди известных нам языков, либо, по крайней мере, быть довольно распространенными.

Аналогично обстоит дело с объяснением причин развития тенденции к организации слога по восходящей звучности (условно CV¹-тенденции), которая, как следует из нашего обзора, иногда используется как синоним тенденции к открытому слогу. Поскольку образование носовых гласных и перестановки плавных в закрытых слогах (град. группы tVrt, tVlt, где t = любой согласный, а V = прасл. *ǎ, *ǔ, *ǐ) вполне объяснимо действием тенденции к открытому слогу, то предположение о существовании CV¹-тенденции в праславянском было

высказано только для объяснения причин монофтонгизации дифтонгов с исходом на *-i* и *-u* (прасл. **aj*, **ej*, **au*, **eu*). В описательной фонетике *любой слог* трактуется как волна восходящей звучности с акустической точки зрения — независимо от того, является он открытым или закрытым. С этой точки зрения постулирование диахронической тенденции к организации слога по восходящей звучности не имеет смысла.

Очевидно, идея о существовании CVI-тенденции в праславянском основана на известном факте об акустической неравнозначности собственно гласных, с одной стороны, и соответствующих им полугласных, с другой. Иными словами, предполагается, что в дифтонгах **aj*, **ej*, **au*, **eu* их первые компоненты были более громкими, чем вторые. Но, во-первых, для объяснения причин тенденции к открытому слогу это не имеет никакого значения, а во-вторых, непонятно, согласуется ли с этим соотношением громкостей конечный результат монофтонгизаций — образование гласных, “родственных” именно их второму, менее громкому компоненту (**ej > i*, **au > u*, **eu > (j)u*)?

Кроме того, традиционное объяснение результатов праславянской CVI-тенденции также опирается на идею генерализации слогов CV (с обычным гласным монофтонгом в качестве второго элемента) на все позиции в слове. Если учесть сказанное выше об акустической природе слога, то это ровно ничего не добавляет к самой идее генерализации, но сообщает ей некоторый оттенок тавтологичности.

В *Праславянской грамматике* Й. Микколы была предпринята попытка рассматривать одновременно и слоговую сингармонизацию (под влиянием работы Р. Якобсона?), и принцип построения слога по восходящей звучности (под влиянием работы ван Вейка?) как реализацию тенденции к открытому слогу, ср.:

“Для всей (пра)славянской звуковой системы была характерна своеобразная конгруэнтность между согласными в начале слога и последующим гласным. Артикуляция гласных предвосхищалась предшествующим согласным, так что, например, задняя (постпалатальная) гласная под влиянием предшествующего согласного готовилась для последующих велярной или лабиальной артикуляции. Предшествующий согласный был также более или менее палатализованным перед последующим палатальным гласным. <...> При рассмотрении вокализма мы видели, что *i*- и *y*-дифтонги, а также дифтонги с напряженным исходом, изменились в праславянском в дифтонги с ненапряженным исходом. Основную причину этого изменения, скорее всего, следует искать в общей тенденции к оттяжке языка (нем. *Tendenz der Zurückziehung der Zunge*). В этом проявилась тенденция к открытым слогам (нем. *Neigung zu offenen Silben*; выделено мной. — В.Ч.). Эта особенность наблюдалась также и в консонантизме, поскольку в группах согласных выпадал каждый элемент, который закрывал слог. Общим результатом было то, что каждый слог в праславянском заканчивался сонантным элементом. <...> Вследствие закона открытых слогов все согласные в конце слов исчезли” [Mikkola 1942, 155–156].

Очевидно, идея конгруэнтности, или слогового сингармонизма, как общей причины становления тенденции к открытому слогу фактически была повторена во

Встуне [1966] и Лампрехтом [1987], см. выше. Ссылка на “Zurückziehung der Zunge” как проявление тенденции к открытому слогу не совсем понятна.

Считать же йотацию явлением, способным дать толчок для развития тенденции к открытому слогу (т.е. быть ее триггером, как это полагали некоторые авторы, см. выше), нет никаких оснований хотя бы потому, что гомосиллабизм наблюдается редко, а йотации происходят часто и в самых различных языках.

Проблемы относительной и абсолютной хронологии становления гомосиллабизма

На основании изложенного выше можно предложить несколько вариантов *относительной* хронологии основных явлений исторической фонетики праславянского языка.

Прежде всего, отпадение конечных согласных вполне могло быть древнейшим из них. Ведь это было явление, дотоле неизвестное в центрально-северноевропейском диалектном континууме, на основе которого сформировались протобалтийские и протославянские диалекты. В таком случае оно ознаменовало бы начало собственно *праславянского* периода в истории протобалтославянских говоров.

Судя по замечанию Р. Бошковича [1984, 125] (без ссылки на конкретную работу), к аналогичным выводам ранее пришел Й. Миккола, полагавший, что “во-первых, в праславянском языке раньше всего утратились конечные согласные, и во-вторых, эта утрата внесла изменение в построение слога вообще; привела к созданию открытых слогов и в середине слова, к присоединению согласных, закрывавших слог, к последующему слогу”.

Как упоминалось выше, о внутренней связи между отпадением конечных согласных и упрощением инлаутных групп согласных, *относя оба эти явления к числу древнейших праславянских*, догадывался З. Штибер; предположительно, так же мог рассуждать и Т. Карлтон, если допустить, что в принятой им последовательности описания явлений праславянского языка в неявном виде указывается их относительная хронология.

Трудно не согласится с С.Б. Бернштейном, что отпадение конечных согласных было не только одним из древнейших *фонетических явлений* праславянского языка, но оно существенным образом затронуло и его *морфологию*. Однако изменения, связываемые с действием закона открытых слогов, нередко рассматриваются как независимые или как самостоятельные по отношению к *явлениям конца слова*, так что может создаться впечатление, будто речь идет о двух праславянских тенденциях, определивших изменения в инлаутных слогах, с одной стороны, и конечных — с другой (на что обратил внимание Р. Орт [Орт 1997, 450]).

Для определения *абсолютной* хронологии отпадения конечных согласных в принципе могут быть показательными фонетические особенности общегерманских славизмов, нижняя граница заимствования которых датируется III в. до н.э. — до предполагаемого распада общегерманской общности [Мартынов 1963б, 21]; см. также [Golab

1992, 391]. Одиннадцать (по В.В. Мартынову [1963а, 108 и след.]) или тринадцать (согласно З. Голомбу [1992, 386–390]) из них можно считать наиболее надежными.

Предполагаемые общегерманские славизмы характеризуются рядом архаичных протославянских черт, в том числе сохранением *ā, дифтонгов, а также слогов, закрытых сонорными, ср.:

прагерм. **baru-* 'лес' ~ праслав. *borъ '(сосновый) лес, бор';

прагерм. *tila 'почва' ~ праслав. *tylo 'почва, основа';

прагерм. *daila, *dailjan 'часть, делить' ~ праслав. *děľь, *děľyti 'то же';

прагерм. *malta 'солод' ~ праслав. *molto 'солодовые выжимки' > укр. *молот*, ст.-польск. *młoto*, ст.-чеш. *młáto*;

прагерм. **warga-* 'преступник' ~ праслав. *vorgь 'враг' и т.д.

В некоторых лексемах, которые, однако, прагерманскими славизмами признаются далеко не всеми, праславянскому *č перед гласным переднего ряда соответствует *k, а гласному *y — долгий лабиализованный *ū, например:

прагерм. *sōkjan 'ссориться' ~ праслав. *sočyti 'обвинять';

прагерм. **iūn-* 'ограда, забор' ~ праслав. *tyľь 'тын'.

Полнобную документацию этих и цитируемых далее примеров см. в указанных работах В.В. Мартынова и З. Голомба (который довольно тщательно, со ссылками на соответствующую литературу, обсуждает также альтернативные решения).

К сожалению, по данным общегерманских славизмов трудно судить о судьбе протославянских конечных согласных в эпоху этих заимствований, поскольку для прагерманского в большинстве случаев надежно реконструируются только *основы* слов — в том числе и заимствованных; исконное окончание ед. числа муж. рода *-s*, как известно, сохранялось только в готском (как *-s*) и древнеисландском (как *-r*), см. [Сравнительная грамматика германских языков II, 335–338], а также [I, 135–136]).

На сохранение конечного согласного в протославянском, возможно, в двух случаях указывает готский язык, ср.:

протослав. *asanis (праслав. **osень/jesень* 'осень') > прагерм. **asani-*, гот. *asans*, но др.-исл. *ǫnn* (< *aznō 'полевые работы');

протослав. *dailas (праслав. *děľь 'часть', от *děľyti* 'делить') > прагерм. **daila-* 'то же', гот. *dails*;

в одном случае — древнеисландский:

протослав. *xvatas (праслав. *xvatь 'хват, быстрый, юркий, умелый') ~ др.-исл. *hvatr* 'то же';

и в одном случае — готский и древнеисландский: протослав. *vargas (праслав. *vorgь 'враг') > прагерм. **warga-*, др.-исл. *vargr* 'отверженный, волк', гот. *launawarg* 'неблагодарный', но др.-англ. *wearg* 'преступник, диавол'.

Для протославянского *barus (праслав. *borъ '(сосновый) лес, бор') реконструируется только прагерманская основа *barwa-* 'лес', откуда выводится др.-исл. *þorr* 'дерево' (исходным для которого также может быть **barwas?).

Эти примеры однако не являются безусловным свидетельством существования конечного протославянского **-s* еще к III в. до н.э., поскольку, во-первых, при заимствовании лексем всегда следует

считаться с возможностью их морфологического переоформления по законам языка-реципиента, как это происходило, например, при заимствовании слов готского языка в праславянский (ср. слав. **stьklo* < гот. *stikls* ‘кубок’; слав. **tjudь* < гот. *þiuda* ‘народ’ и др.); и во-вторых, вообще далеко не очевидной является природа эксклюзивных славогерманских соответствий, поскольку не исключено, что они могут быть либо исконными регионализмами в обоих языках, либо заимствованиями и в праславянский, и в прагерманский из третьего источника.

Особое внимание обращает на себя прагерм. **neþija, neþija* ‘(кровный) родственник’ (ср. гот. *nibjas* ‘кровный родственник’, др.-исл. *nidr* ‘потомок’ и др.), считающееся одним из “очень убедительных примеров раннего проникновения в прагерманский (до прагерманского передвижения согласных, факт, не упомянутый Мартыновым)” [Golaб 1992, 387], поскольку

- собственно германским рефлексом и.-е. корня **nept-* является др.-англ., др.-в.-нем. *nift* ‘племянница, внучка’ (ср. лит. *neptė* ‘племянница’, ст.-лит. *neptis* ‘племянник’ [LKŽ VIII, 1970; Fraenkel LEW]),

- а прагерм. **neþija, neþija* свидетельствует о том, что исконная группа **-pt-* упростилась в **-t-*, как в праславянском, где находим форму **netijь* (ст.-слав. *нѣтии*, др.-рус. *нетии* ‘племянник’, ст.-польск. *nieć* ‘двоюродный брат’ и др.), см. [Мартынов 1963б, 128–132], также [ЭССЯ 25, 216–217].

Таким образом, мы получаем *слабое* свидетельство того, что упрощение инлаутных групп согласных действительно могло быть одними из самых древних в праславянском; если же преобразование конечных слогов в открытые считать необходимым условием для ликвидации закрытых инлаутных слогов, то оба эти базовые явления должны были по крайней мере начаться и/или завершиться *за несколько веков до нашей эры*.

Слабым же оно является потому, что представлено хотя и очень показательным, но единичным примером; кроме того, непонятно, противоречат ему или нет предполагаемые общегерманские славизмы с окончанием **-s*, наличие которых может свидетельствовать о том, что оба процесса (отпадение конечных согласных и упрощение инлаутных групп) происходили почти одновременно; наконец, как уже подчеркивалось, далеко не ясным остается происхождение прагерманских славизмов вообще.

В.В. Мартынов допускает, что др.-англ. *daenu* ‘долина’, *dene* ‘долина, равнина, низина’ может быть заимствовано из праслав. **dьno* ‘дно’ (ср. лит. *dubùs* ‘глубокий’), поскольку в английских словах отражено упрощение группы **-db-*, характерное для праславянского (**dьno* < **dьbno*) (краткое *ā* в корне древнеанглийского слова В. Мартыновым объясняется *делабилизацией* **ъ*, которая привела “к возникновению на его месте *o*, которое преобразовалось в *ā*. Древнеанглийское *ā* могло перейти в *ae*, или *e* вследствие преломления кратких гласных” [Мартынаў 1998. 10]); славяно-(обще)-англосаксонские контакты обычно датируются I–V вв. н.э. — после обособления

внутри западногерманского ареала ингвеонской (“северно-поморской”) группы диалектов и до переселения англосаксов в Британию [там же, 5–6]: обзор проблем происхождения англо-саксов см., например, в *Сравнительной грамматике германских языков* [1, 145 и след.].

В таком случае разрыв во времени между заимствованием праслав. *netijь (> пр.-герм. *neřija, *neřija*) и *дъно (> др.-анг. *daenu*, *dene*) может составлять не менее четырех веков.

Однако такую датировку базовых изменений трудно согласовать с достаточно надежными фактами из более поздней, или предысторической, стадии развития праславянского. Так, к настоящему времени накопилось достаточно данных, свидетельствующих о том, что большая часть явлений исторической фонетики праславянского языка — если не абсолютное их большинство — либо еще не осуществилась, либо осуществлялась в эпоху великого расселения славян (второй волны великого переселения народов) — т.е. в V–VI вв. н.э. Это заключение основано на сведениях о фонетических особенностях славизмов, заимствованных в соседние языки. Основные материалы и наблюдения предшествующих исследователей, изучавших эту проблему, были недавно обобщены в работе Г. Хольцера, в которой еще раз обращается внимание, например, на то, что в праславянских диалектах эпохи великого расселения

- сохранялись неизменными исконные *ū, *ā, *ǔ, *ī (отраженные позднее как *у*, *о*, *ъ*, *ь* соответственно); поскольку в системе гласных не было звука типа /*o*/, то в иноязычных заимствованиях долгое *ō* передавалось с помощью /*u*/;

- исконное сочетание *jě- в начале слов еще не изменилось в *ja-;

- не были закончены вторая и третья палатализации задненебных (перед *ē < *ai и после передних гласных высокого и среднего подъема соответственно);

- возможно, *l*-эпентеза еще не стала всеобщим явлением и нек. др. [Holzer 1998a, 58, 60–61, 63–64].

Вообще, отмечает Г. Хольцер, реконструируемые на основании этих сведений формы типа *karūia, *magūlā, *kapūia, *Dabramūsli, *akuna, *suta, *dalīnā, *Būstrikā, *Rūbinīkā (традиционные *koryu, *mogyla, *kopyto, *Dobromyslь, *okъno, *sъto, *dolina, *Bystrica, *Rybnica) отражают архаический облик праславянского, сохраняя черты, характерные для балтийских говоров (нем. *recht baltisch anmutendes Gepräge*) [там же, 58].

Судя по тем же данным, в V–VI вв.

- несомненно сохранялись исконные сочетания *tVRt* (типа *tart*, *talt* и т.д.), и возможно, сочетания *tVNt*, указывающие на отсутствие носовых гласных *ę, *ą,

- и скорее всего не было протетического *j- [там же, 65–66].

То и другое представляется странным и непонятным, если предполагать, что *базовые* изменения тенденции к открытому слогу произошли почти за тысячу лет до начала великого расселения. Ведь устранение инлаутных слогов, закрытых сонорными, должно было следовать либо непосредственно за базовыми, либо в исторически обозримый период вслед за ними; если же принять, что эти комплексы явлений осуществлялись с интервалом около тысячи лет, то возникают сомнения в самой возможности внутренней связи между ними.

Кроме того, данные об отсутствии *и/или* развитии протетических *j- и *w- при сохранении лабиализованных гласных *ǫ, *u в эпоху великого расселения славян явно противоречат допущению о том, что протезы возникли вследствие генерализации группофонем, якобы возникших на ранних этапах развития праславянского, см. выше.

Что касается остальных изменений, традиционно так или иначе связываемых с тенденцией к открытому слогу, то, во-первых,

- поздняя утрата слогов, закрытых сонорными, вполне возможна с этой точки зрения;

- более ранняя монофтонгизация дифтонгов с исходом на *i и *u по отношению к преобразованиям инлаутных групп *iVRi* и *iVNt* была вполне возможной (хотя *неслоговые гласные* являются несомненно более звучными, чем сонорные согласные), поскольку гомосиллабизм не предполагает перестройки слогов по *восходящей звучности*;

- праславянские *йотации* и так наз. *первая палатализация*, как не связанные с закономерностями *слоговой структуры слова*, могли произойти до базовых преобразований (как предполагал С.Б. Бернштейн), в ходе базовых преобразований и после их завершения.

Закон открытых слогов и субстрат

Типологические данные свидетельствуют о том, что тенденция к открытому слогу в языках с хорошо известной историей развивалась вследствие интенсивного субстратного влияния; при этом вовсе не обязательно гомосиллабизм языка-реципиента является прямым отражением именно такой же слоговой структуры влияющего языка. На эти обстоятельства в свое время обратил внимание А. Мартине, отметивший, что

“Просматривается несколько общих черт в ситуации славянского, скажем, до VI в. и в ситуации французского до X в., именно: обе лингвистические общности были подвержены (фран. *été exposées*) в предшествующий период сильному германскому влиянию. Речь идет о линии не прямого развития праславянского и французского в соответствии с этим влиянием. Скорее в обоих случаях можно усматривать *разновидность реакции на такое влияние* (выделено мною. — В.Ч.)” [Martinet 1952, 163].

Аналогичная картина обнаруживается в истории поздней латыни (и раннего периода в истории части романских языков), в среднеиранских языках и праkritах (см. подборку сведений в [Чекман 1979. 139–144]), а также предполагается для языков с более темной историей типа японского [там же, 142].

Полагаем, что гомосиллабизм языков, испытавших сильное субстратное влияние, можно рассматривать как результат общего упрощения структуры речевого потока; в этом отношении гомосиллабизм представляет собой одну из разновидностей *неспецифической* реакции на влияние субстрата. Другой разновидностью такой же реакции является упрощение морфологической структуры, как правило, сопутствующее процессу развития гомосиллабизма.

Важно подчеркнуть, что развитие гомосиллабизма в известных нам случаях обусловлено именно *субстратным* влиянием, поскольку перестройка слоговой структуры слова — как и любая другая фонетическая инновация — в принципе не может быть результатом просто контактного взаимодействия языков.

В ходе языковых контактов (пограничных, внутренне-социальных в билингвальных языковых сообществах различного типа и др.) обычно происходит обмен *лексическими* заимствованиями (а также словообразовательными моделями); направление заимствований обусловлено при этом социальным престижем языка, так что *основным* источником их становится язык с более высоким социальным статусом, а “обратные” в этом смысле заимствования могут быть просто единичными. Представить себе, каким образом в условиях такого рода контактов может модифицироваться *фонетика* одного из взаимодействующих языков — не говоря уже о морфологии — очень трудно. Описанию результатов и механизмов субстратного взаимодействия языков на достаточно хорошо изученном материале (напр., литовский субстрат в белорусских и польских говорах; сетуский в русских псковских и под.) мы надеемся посвятить отдельную работу; для целей данной статьи важно отметить следующее.

Лексические заимствования надежно удостоверяют сам факт языковых контактов, но по их результатам мало что можно сказать о характере этих контактов. Субстратное же влияние всегда связано с процессами этнической и языковой ассимиляции, будь то автохтонного населения пришельцами или пришельцев(завоевателей) автохтонами. Только и только в этих случаях возможно влияние на фонетику победившего языка — вследствие того, что одна из групп населения усваивает *новый* для нее язык, привнося в него некоторые особенности своей исконной речи. В этом смысле абсолютное большинство фонетических инноваций можно считать своего рода *нелинейными* заимствованиями — вследствие (ре)интерпретации звуков усваиваемого языка с точки зрения фонетики и фонологии субстратного (а не воспроизведение фонетических единиц субстратного языка, хотя и такое изредка наблюдается).

Зародившиеся фонетические явления часто распространяются на другие диалекты и говоры данного языка, не испытавшие субстратного влияния. При этом усваиваемые фонетические новообразования обычно также модифицируются вследствие “реинтерпретации” носителями воспринимающих говоров; иначе, распространяясь, фонетическая инновация часто становится “негожественной сама себе”, выступает в новом “обличье”, превращаясь в вариант исходного. Очевидно, и в этом случае можно говорить о нелинейном характере усвоения распространяющихся фонетических инноваций, поскольку в каждом говоре- (диалекте-, а тем более, языке-)реципиенте они должны “встраиваться” в новую для них фонетико-фонологическую систему.

Исходя из этих предпосылок, полагаем, что многочисленные фонетические изменения, а там более такое радикальное, как гомосиллабизм, *сами по себе* свидетельствуют о том, что,

- во-первых, праславянский на каком-то этапе своего развития испытал значительное субстратное влияние, т.е. в его среде должны были раствориться носители иного языка;

- во-вторых, сформировавшийся таким образом вариант речи стал социально *авторитетным, престижным* (“подлинно своим” и под.) для всех носителей говоров, которые осознавали свою принадлежность к ассимилирующей *этнической* общности. Это означает, что в истории праславянского языка не исключается период “агрессивных” унификационных процессов — вследствие распространения престижной формы речи и “втягивания” в формирующуюся языковую общность периферийных по отношению к ареалу ее зарождения говоров. Именно поэтому инновации, обусловленные субстратным влиянием, обычно “проявляются” далеко не сразу и окончательно стабилизируются в различных ареалах по-разному (давая начало новым диалектным различиям или усиливая уже существующие).

Субстратное влияние обычно сопровождается лексическими заимствованиями из ассимилированной речи (как, например, это было в истории осетинского языка), но вовсе не обязательно: при добровольном переходе на новый язык субстратный лексический вклад может быть очень незначительным (как это было, например, в истории болгарского языка).

Однако допущение о том, что праславянский закон открытых слогов (не говоря уже о других явлениях праславянского языка!) мог возникнуть под влиянием субстрата, у большинства славистов вызывает острую *негативную реакцию*, которая, как кажется, объясняется несколькими причинами.

Во-первых и прежде всего, это связано со своего рода гипнозом *телеологического* объяснения причин гомосиллабизма. Действительно, если допустить, что в праславянском как бы сам по себе “стал действовать закон открытых слогов”, то далее легко выстраивается цепочка гипотез о возможной взаимосвязи между изменениями, “обусловленными” этим законом. Иными словами, телеологическое “обоснование” тенденции к открытому слогу практически открывает возможность считать все или почти все фонетико-фонологические преобразования в праславянском имманентно обусловленными (т.е. реализациями этой тенденции, а значит, осуществившимися по своим “внутренним законам”). Естественно, идея о возможном субстратном влиянии в такого рода построениях кажется не только излишней, но и “враждебной” по отношению к исповедуемой идеологии.

Во-вторых, в истории праславянского языка доисторический период, концом которого можно считать время фиксации несомненно славянских глосс в византийских памятниках V–VI вв., длился по крайней мере в три-четыре раза дольше последующего *предысторического*, закончившегося созданием старославянской письменности. Сравнение праславянского и балтийских языков позволяет надежно реконструировать древнейшие изменения в позднеиндоевропейских диалектах, давших начало тем и другим. Но о событиях после формирования отдельного праславянского этноса и праславянского языка (предположительно с VIII–VI вв. до н.э. и до начала *предысторического* периода) о языковых контактах праславян можно судить только по предполагаемым лексическим заимствованиям из праславянского и в праславянский (причем те и другие далеко не всегда поддаются однозначной интерпретации).

Судя по известным фактам, степень *изначального* фонетического (и морфологического) своеобразия протославянских говоров была настолько *незначительной*, что позволяет уверенно отнести их к языкам балтийского круга, т.е. к той языковой общности, на основании которой впоследствии сформировались и (прото)славянский, и балтийские языки (см., напр., упомянутую выше статью Г. Хольцера [1998b] и основные выводы в книге [Mažiulis 1970, 319–321]). Однако в лексическом отношении, судя по данным этимологических исследований, несмотря на значительное количество общих балто-славянских корней и лексем, праславянский издавна отличался такой степенью своеобразия, которая не позволяет *без оговорок* согласиться с этим решением, см., например, обсуждение проблем ЭССЯ в [Трубачев 2003] и работы В.В. Мартынова [1978; 1982; 1988; 2003].

Вполне возможно, что это противоречие следует рассматривать если не как прямое свидетельство, то своего рода “намеки” на то, что

- балтийская и славянская группы языков формировались на основе близких, но *не идентичных* североиндоевропейских диалектов (отсюда высокая степень их фонетико-фонологического подобия);
- отдельная (самостоятельная) протославянская *этническая общность* оформилась раньше, чем диалекты ее представителей выделились в отдельный язык.

Протобалтийская этническая общность, аналогичная протославянской, видимо, не возникла, и известные балтийские языки развивались на основе различных диалектов; последнее обстоятельство, возможно, и является причиной известных трудностей с реконструкцией общебалтийских праформ.

Стоит также обратить внимание на то, что соотношение современных литовского и латышского языков очень напоминает предполагаемое нами соотношение северо-

индоевропейских говоров и диалектов на начальной стадии их дифференциации. Так, можно считать несомненным фактом, что латышские говоры сформировались позже (пра)литовских, в результате продвижения носителей последних на северо-восток. Фонетическая общность литовского и латышского в прошлом не вызывает сомнений; однако и тот, и другой язык в *лексическом отношении* характеризуются такой степенью своеобразия, что могут возникнуть сомнения в их исконном "почтиединстве" в прошлом.

Эту аналогию можно продолжить. По всей видимости, заселение территории современной Латвии происходило несколькими волнами, причем ранее других на новой территории оформилась *латгальская этническая общность*, язык которой сформировался на ином субстрате, чем остальные латышские говоры; впоследствии язык этой общности подвергся сильнейшему славянскому влиянию, так что в итоге некоторые специалисты склонны считать их не говорами латышского языка, а говорами самостоятельного, отдельного латгальского языка.

Испытав субстратное влияние, протославянский, тем не менее, сохранил, хотя и в перестроенном виде, свою *акцентно-интонационную структуру*. Этот факт косвенно свидетельствует а) о длительном и постепенном вживании носителей субстратной речи в протославянскую среду; б) о том, что субстратному влиянию подверглась относительно небольшая часть протославянских говоров, так что возникшие новообразования распространялись из сравнительно небольшого по территории ареала, и потому в) в процесс праславянского лингвогенеза оказалось втянуто значительное количество периферийных в указанном смысле говоров.

Аналогичные предположения следуют также из того факта, что протославянская морфологическая система, хотя и подверглась значительным перестройкам, тем не менее не была ни значительно упрощена, как это обычно наблюдается, ни "обогадилась" за счет новых и необычных для нее форм (что характерно, например, для литовских говоров, в которые были заимствованы прибалтийско-финские форманты латива-адессива ед. числа на *-pi* (типа ст.-лит. *dievopi*, 'к богу', совр. *velniop* 'к черту'), иллатива с *-n* (ед. ч. типа *laukan* 'на улицу', мн. ч. типа *danguosna* 'на небеса' и др. варианты), см. [Endzelynas 1957, 130–131]).

В истории протославянского языка было несколько периодов, когда он мог испытать серьезное субстратное влияние. В данной статье мы ограничимся только их обзором и самыми общими замечаниями о степени правдоподобности предположений, высказанных ранее другими исследователями.

Рассмотрение интересующих нас проблем удобно начать с анализа гипотез об основных этапах развития *праславянской этноязыковой общности*, развиваемых известным русским археологом В.В. Седовым, которые в основном согласуются с соответствующими идеями и предположениями лингвистов, сформулированными на основе языковых данных (анализ и, отчасти, критику построений В.В. Седова см., например, в [Щукин 2001]).

Прежде всего, В.В. Седов допускает, что *первый этап* в истории формирования этой общности начался с середины VI в. до н.э. и был связан с миграцией “племен *поморской культуры* на территорию лужицкой культуры” [Седов 2002, 69]. По его мнению, носители первой из них были частью “периферийных” балтов, а *лужицкая культура* — частью большой средневропейской культурно-исторической общности “*полей погребальных урн, сопоставимой с древнеевропейской этноязыковой общностью*” [там же, 3]; в результате взаимодействия этих двух культур складывается *культура подклёшевых погребений*, носители которой, согласно В.В. Седову, впоследствии стали называться славянами.

При этом В.В. Седов акцентирует следующие моменты взаимодействия указанных культур:

“Расселение носителей поморской культуры в Висленском и Одерском бассейнах не сопровождалось какими-либо ощутимыми перемещениями местного лужицкого населения. Оно не покидало мест своего проживания. <...> Но очень скоро начался процесс метисации пришлого населения аборигенами: образуются общины подселения и могильники. <...> В той части ареала лужицкой культуры, где расселились переселенцы из Польского Поморья, наблюдается процесс смешения культурных элементов, их нивелировка. <...> Результатом внутрорегионального взаимодействия лужицкого и поморского населения стало становление нового образования — *культуры подклёшевых погребений*” [Седов 2002, 69–70];

“Имеются все основания относить население *культуры подклёшевых погребений* к славянскому этносу. Начиная с этой культуры прослеживается преемственность в эволюционном развитии древностей вплоть до достоверно славянских раннего средневековья. Таким образом, период формирования и развития рассматриваемой культуры был этапом становления славянского этноса. Древнеевропейское население Висло-Одерского бассейна в это время в условиях внутрорегионального взаимодействия с племенами поморской культуры становилось славянским” [там же, 74–75], см. также [Седов 2003, 3–4];

“Эта культура (подклёшевых погребений. — В.Ч.) датируется 400–100 гг. до н.э. Первоначальная территория ее <...> ограничена зоной смешения лужицкого и поморского населения. В среднелатенский период ареал культуры подклёшевых погребений расширяется до среднего течения Одера на западе и до западных, окраинных регионов Волыни и Припятского Полесья на востоке” [2002, 70].

Изложенная гипотеза о происхождении славянского этноса хорошо соотносится с данными сравнительно-исторического языкознания, которые свидетельствуют об особой близости балтийских и славянских языков, а также об особо “интимных” отношениях между носителями диалектов западной части *прабалтославянского* языкового континуума (и не исключено, что В.В. Седов просто основывается на этих данных). Его гипотеза интересна как попытка более конкретно представить процесс формирования протославянского этноса и выглядит более реалистично по сравнению с допущениями об автохтонно-польской или “висло-днепровской” прародине славян. Более того,

она косвенно “объясняет” своеобразие словарного состава праславянского и славо-центральноевропейские лексические параллели.

К сожалению, нам ничего неизвестно об особенностях диалектов, взаимодействие которых, согласно предположениям В.В. Седова, привело к формированию протославянского языка. Кроме того, с трудом верится, что контактирование относительно близких диалектов, какими были гипотетические “лужицкие” центральноевропейские и “поморские западнобалтийские”, могло стимулировать такое глубокое преобразование фонетики возникшего протославянского, как развитие гомосиллабизма.

Лексические заимствования в праславянском из прагерманского и наоборот свидетельствуют о пограничных контактах между носителями этих (пра)языков; какими-либо данными, которые бы указывали на германский субстрат в праславянском, ни лингвисты, ни археологи не располагают. Предположение А. Мартине о “сильном” германском влиянии на праславянский как внешней причине фонетических изменений в праславянском (см. выше) можно считать поэтому сугубо умозрительным.

Кельтско-славянские контакты, согласно В.В. Седову, напротив, оставили “заметный след в истории, культуре и языке славян” [2002, 80]. По его мнению, эти контакты “не ограничились регионом верхней Вислы” [там же, 87], и само становление сменившей культуру подклешевых погребений “пшеворской культуры обусловлено прежде всего инфильтрацией кельтского населения в земли, заселенные славянами” [там же, 88]. В последующие века “пшеворская культура распространилась по всему ареалу культуры подклешевых погребений, а затем и вышла за его пределы” [там же]. В конце I в. до н.э. кельтские поселения и могильники перестают функционировать на территории Польши. “Таким образом, кельты, расселившиеся в землях севернее Карпат, были *полностью ассимилированы славянами* (выделено мною. — В.Ч.)” [там же].

Значение кельтского вклада в праславянский язык В.В. Седовым явно преувеличено. Можно допустить, что становление гомосиллабизма и изменений, не связанных со слоговой структурой речи (первой палатализации, йотаций и перехода $*\tilde{e} > *ā$ после палатальных), относится *ко времени* кельтского влияния (как это допускал, напр., С.Б. Бернштейн, правда, безотносительно к идее субстрата, тем более кельтского, см. выше), и это свидетельствовало бы об его интенсивности. Однако, несмотря на многочисленные попытки увеличить список праславянских кельтизмов [см.: Мартынов 2003], он по-прежнему

остаётся достаточно коротким для того, чтобы говорить о “заметном кельтском следе” в праславянском.

В II–IV вв. н.э. *готы* оказали значительное влияние на праславянский, который к этому времени уже несомненно был самостоятельным языком несомненно самостоятельного этноса [см.: Седов 2002, 142–150]. Праславяне заимствовали у готов военно-политические термины, а также слова, связанные с торговлей; кроме того, готский стал источником заимствования некоторых слов, ранее заимствованных готами из вульгарной латыни, см. обзор и критический анализ праславянских готизмов в [Gołąb 1992, 370–378, 382–384]. Скорее всего, некоторые славяне в той или иной степени владели готским, выполняя роль военных переводчиков или проводников. Не исключено также, что часть славян, находясь в составе готского войска, могла вообще принять язык готского большинства. Однако и лингвисты, и археологи исключают возможность готского *субстратного* влияния на праславянский. Действительно, учитывая организующую роль готов в военных походах, трудно представить, что в славянской среде могла раствориться настолько значительная часть их соплеменников, чтобы готская речь оставила какие-либо следы в (пра)славянской фонетике.

Изучение славяно-иранских (-скифских и -сарматских) контактов в языкознании имеет длительную историю. Традиционно считается, что степняки-иранцы (скифы и затем сарматы) оказали глубокое влияние не только на лексику, но и культуру древних славян в целом, в том числе на их религиозные воззрения, см. [Słownik starożytności, II(2), 286–292, статьи *Irańczycy*, *Irańskie elementy w kulturze słowiańskiej*, *Irańsko-słowiańskie stosunki językowe*; V, 101–122, статьи *Scytia* и *Scytowie*; Reczek 1991; Gołąb 1992, 311–336]; критический анализ проблемы в целом см. [Трубачев 1967]. Обычно считается, что славяно-(скифо)иранские контакты продолжались чуть ли не целое тысячелетие — со времени появления скифов в центральной Европе в VII–VI вв. до н.э. и до VI в. н.э.; при этом и ранее не исключалась возможность скифо-иранского субстрата в праславянском на каком-то из этапов этого взаимодействия.

Согласно В.В. Седову, славяно-скифские контакты в принципе *могли начаться* в IV в. до н.э., но в это время они не были интенсивными. Судя по данным археологии и их интерпретации этим ученым,

“Территория культуры подклёшевых погребений на юго-востоке подступала к скифскому археологическому ареалу. Единичные памятники этой культуры выявлены на его западной окраине. Однако *археологиче-*

ские данные не дают никаких оснований говорить о тесных взаимодействиях славян с ираноязычным миром в рассматриваемое время (выделено мною. — В.Ч.). Никаких элементов скифского происхождения в памятниках культуры подклёшевых погребений не обнаруживается, как не ощущается и обратного культурного влияния. Этому не противоречат и материалы языкознания (sic!) [Седов 2002, 78].

Только после II в. н.э., когда “в Верхнем Поднестровье и смежных с ним землях (верховья Западного Буга, Стыри и Горыни)” на основе *пшеворской* начала формироваться *черняховская культура* [там же, 66], в последующие десятилетия III в. распространившаяся также в междуречье нижнего Дуная и Днестра [там же, 172], славяно-иранские контакты приобрели иной характер, поскольку “субстратным населением, включившимся в генезис черняховского,” были на большей части ее территории *сарматы* (и гето-даки на юго-западе) [там же].

В.В. Седов отмечает значительный вклад сарматского населения в погребальную обрядность “черняховцев” [там же, 174–175], в том числе и заимствование ими традиции погребальных трапез; “вклад сарматского этнического субстрата отчетливо проявляется и в вещевых коллекциях черняховской культуры” [там же, 177], и в распространении культа огня [там же, 176]. При этом

“Сарматские особенности зафиксированы в большинстве могильников черняховской культуры. Они весьма многочисленны и встречаются почти на всей территории этой культуры. Это позволяет утверждать, что скифо-сарматское население Северного Причерноморья вошло в состав носителей черняховской культуры как один из основных этнических компонентов” [там же, 178].

Между 330 и 380 гг. “черняховская культура постепенно распространяется по всему ее ареалу — от нижнего Дуная на западе до Днепровского лесостепного левобережья на востоке. В Киевском Поднестровье носители черняховской культуры <...> поселяются лишь в самом начале IV в. <...> Не ранее рубежа III и IV вв. черняховским населением было освоено Днепровское лесостепное левобережье. <...> Увеличение территории этой культуры было результатом перемещений ее носителей и включения в генезис черняховского населения различных аборигенных племен (выделено мною. — В.Ч.)” [там же, 171]; см. также [Шукин 2001, 4].

Однако, как следует из дальнейшего изложения, “славяно-иранский симбиоз”, “имевший место в Подольско-Днепровском регионе черняховской культуры”, оказал влияние лишь “на одну из крупных частей славянства”, так что иранское влияние охватило только “юго-восточную часть древнего славянского мира (выделено мною. — В.Ч.)” [Седов 2002, 189]; при этом, подчеркивает В.В. Седов,

“Количество скифо-сарматских параллелей в языке, культуре и религии крупной части славян настолько значительно, что объяснить их можно только славяно-иранским симбиозом, имевшим место в ранней истории славянского этноса. <...> Племенную (и, по-видимому, диалектную) группировку славян Подольско-Днепровского региона черняховской культуры, сформировавшуюся в условиях славяно-иранского симбиоза, можно отождествлять с антами, известными по историческим сочинениям VI–VII вв.” [там же, 190–191].

Что касается хронологии славо-иранского взаимодействия, то

“...рассматриваемый процесс протекал, несомненно, раньше, чем началось заселение славянами Дунайских земель и Балканского полуострова. Славянское население, осваивавшее эти территории, как свидетельствуют данные языкознания (sic!) уже испытало иранское воздействие. Первые славяне на Балканах и в Среднем Подунавье появились только в конце IV–V столетия, следовательно, славяно-иранский симбиоз должен быть отнесен к первым векам I тыс. н.э., что полностью соответствует выводам, полученным на археологических материалах” [там же, 191].

Как видим, В.В. Седов кардинальным образом реинтерпретировал известные данные языкознания о славо-иранских контактах, во-первых, датируя их началом I тысячелетия н.э.; и во-вторых, приписывая все известные результаты иранского влияния на праславян только части славянства — этноязыковому объединению антов.

В своих построениях В.В. Седов оперировал прежде всего данными археологии, а результаты иранского влияния на язык праславян он практически не анализировал. Конечно, последнее не входило в его задачи, но вряд ли он не знал, что согласовать данные обеих наук — принять за основу сведения из археологии — вряд ли возможно без дополнительных и существенных оговорок.

Так, понятие “славо-иранского симбиоза” применимо к описанию контактирования этносов и культур; поскольку в результате этих контактов праславяне сохранили свой язык, а симбиоз закончился *ассимиляцией* иранцев, то можно предполагать, что речь последних оказала *субстратное* влияние на победивший язык.

В ряде отношений (скифо-)иранцы оказали заметное влияние на лексику и культуру славян в целом (а не только на язык и религию их восточной части). Можно полагать поэтому, что славо-(скифо)сарматские контакты к началу I тысячелетия н.э. уже были довольно интенсивными и влияние иранского субстрата испытал праславянский язык в целом. В качестве иллюстрации такой возможности рассмотрим только один пример.

Ранее нами было показано, что между эволюцией *ī, *ÿ в праславянском и новоиранских языках существует не только внешнее, но структурное подобие, и это позволяет использовать данные последних в качестве модели при реконструкции этапов изменения *ī, *ÿ в праславянском [Чекман 1979, 184–200]. Поскольку фонемы *ь и *ъ не были характерны для языков, соседних с праславянским, то не исключено, что и своим возникновением они были обязаны именно (скифо-)иранскому субстратному влиянию.

В этом контексте предположение о том, что явления, обусловившие становление гомосиллабизма в праславянском языке, могли возникнуть по той же причине, не кажется невероятным. Если же учесть, что большинство (если не все) фонетические преобразования в праславянском имеют более или менее точные аналогии в новоиранских языках, то не исключено, что именно (скифо-)иранский субстрат вообще обусловил новый этап в развитии *общеславянского языка*, именно, преобразование *протославянского* в собственно *праславянский*.

Кроме того, отпадение конечных согласных и образование еров в праславянском, скорее всего, тесно взаимосвязаны. Судя по типологическим данным, конечные *-s и сонорные *-m и *-n перед отпадением часто превращаются в слабые придыхательные (аспирированные) согласные; исчезая, они приводят к понижению подъема предшествующего гласного [см.: Чекман 1979, 136–137]. Если в праславянском конечные слоги *-as, *-is, *-us, *-am, *-im, *-an *-in эволюционировали аналогичным образом, то возникшие вследствие этого централизованные (близкие к нейтральному *ə) конечные гласные типа *-ъ, *-ь могли обусловить *рефонологизацию* исконных *ī, *ÿ (которые были более низкими по подъему, чем соответствующие им долгие) ⇒ *-ъ, *-ь, переданные впоследствии с помощью знаков *er* и *erь* в старославянском.

На существование условий для такой *рефонологизации* в праславянском обратил внимание Р. Бошкович, отметивший следующее: “Весьма возможно, что гласные *u* и *i* представляли собой звуки специальной, сдвинутой артикуляции еще до того, как они перешли в полугласные. <...> В литовском языке *ī* является низким, широким открытым гласным *i*, а *ÿ* — низким, широким открытым гласным *u*. При этом наиболее характерно то, что в восточнолитовском диалекте ни один из этих двух звуков, ни *ī*, ни *ÿ*, в отличие от остальных звуков, не удлиняется в ударном слоге. Вероятно, мы не будем далеки от истины, если предположим нечто подобное и для праславянского языка, по крайней мере в отношении звука *ī*...” [1984, 54–55].

Изложенные здесь соображения нуждаются, естественно, в дальнейшей разработке и уточнениях; многое при этом будет зависеть также от археологов. Ведь известно, что модели формирования и эволюции культур, их датировка и этническая атрибуция значительно

различаются не только в разных школах (украинской, польской и русской), но и в рамках одной школы ученые далеко не всегда разделяют мнения друг друга.

Для полноты описания предполагаемого субстратного влияния на праславянский с начала I тысячелетия до начала VI в. н.э. необходимо было бы показать возможность “иранских юрней” не только праславянского гомосиллабизма и еров, но и остальных фонетических изменений; кроме того, необходимо также более подробно реконструировать особенности *социалингвистической* ситуации эпохи славяно-(скифо)иранских контактов, поскольку в объяснении нуждаются как относительно незначительные изменения праславянской морфологии, так и факт сохранности славянской акцентно-интонационной системы, которые под влиянием иранского субстрата должны были бы измениться в большей степени, чем это наблюдается в действительности. Каждая из этих задач требует специального исследования и далеко выходит за рамки проблем, которым посвящена наша работа.

В любом случае предложенная В.В. Седовым датировка начала интенсивных славо-иранских контактов и допускаемая им возможность “славо-иранского симбиоза”, завершившегося ассимиляцией славянами части иранского (сарматского) этноса, представляются плодотворными для понимания основных механизмов становления праславянского языка. Пока не совсем ясно, как с точки зрения данной гипотезы можно (и возможно ли вообще) согласовать наше предположение о том, что такое влияние мог испытать праславянский язык в целом (а не только анты). В то же время идея об иранском субстрате в праславянском кажется единственной возможностью объяснить не раз упомянутые выше факты, свидетельствующие о том, что еще в эпоху великого переселения славян (к VI в. н.э.) многие праславянские фонетические изменения либо еще не были закончены, либо вообще не произошли. Это позволяет предполагать, что и гомосиллабизм как инновация, которой завершился *протославянский* период в истории языка древнего славянского этноса, сформировался к концу I тыс. до н.э.—началу I тыс. н.э. — незадолго до эпохи многочисленных уже собственно праславянских фонетических преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн С.Б., 1961: *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Москва.
- Бирнбаум Х., 1987: *Праславянский язык (достижения и проблемы в его реконструкции)*. Москва.
- Бошкочич Р., 1984: *Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование*. Москва.
- Вступ 1966 = Мельничук О.С. (ред.), *Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов*. Київ.

- Гринберг Дж., 1964: Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных. *Вопросы языкознания*, 4. 41–65.
- Курилович Е., 1962: *Очерки по лингвистике*. Москва.
- Мартынов В.В., 1963а: *Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры*. Минск.
- Мартынов В.В., 1963б: *Лингвистические методы обоснования гипотезы о Висло-Одрской прародине славян*. Минск (V Международный съезд славистов. Доклады).
- Мартынов В.В., 1978: *Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия*. Минск (VIII Международный съезд славистов. Доклады).
- Мартынов В.В., 1982: *Становление праславянского языка по данным славяноиноязычных контактов*. Минск (IX Международный съезд славистов. Доклады).
- Мартынаў В., 1998: *Прарадзіма славян. Лінгвістычная верыфікацыя*. Мінск (Беларускі камітэт славістаў. XII Міжнародны з'езд славістаў. Доклады).
- Мартынов В.В., 2003: Кельто-славянские этноязыковые контакты, in *Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: XIII Міжнародны з'езд славістаў* (Любляна, 2003). Доклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 87–104.
- Серебренников Б.А., 1974: *Вероятностные обоснования в компаративистике*. Москва.
- Седов В.В., 2002: *Славяне (историко-археологическое исследование)*. Москва.
- Седов В.В., 2003: *Славяне в римское время*. Москва (XIII Международный съезд славистов (Словения, 2003)).
- Сравнительная грамматика германских языков*, т. I, 1962; т. II, 1962. Москва.
- Трубачев О.Н., 1967: Из славяно-иранских лексических отношений, in *Этимология*. 1965. Москва, 3–81.
- Трубачев О.Н., 2003: *Опыт ЭССЯ: к 30-летию начала публикации (1974–2003)*. Москва (XIII Международный съезд славистов. Доклады).
- Чекман В.Н., 1979: *Исследования по исторической фонетике праславянского языка*. Минск.
- Шеворошкин В.В., 1969: *Звуковые цепи в языках мира*. Москва.
- Шукин М.Б., 2001: Рождение славян, in www.nestor.md/Russian/Sciukin.htm, Санкт-Петербург (10.09.2003).
- ЭССЯ = Трубачев О.Н. (ред.), *Этимологический словарь славянских языков*. Праславянский лексический фонд, т. 1–. Москва, 1974–.
- Andersen H., 1985 [1986]: Protoslavlic and Common Slavic — Questions of Periodization and Terminology, *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 31/32. 67–82.
- Balakrishnan K.R., 1994: Remarks on Common Slavic Phonology, *Annali dell' Istituto universitario Orientale di Napoli (AION)*, 2. 367–378.
- Bednarczuk L., 2002: Słowiańsko-romańskie paralele fonetyczne, in *Z polskich studiów slawistycznych*, seria 10: *Językoznawstwo*. Prace na XIII międzynarodowy kongres slawistów w Lublianie 2003. Warszawa, 15–24.

- Birbaum H., 1987 [1989]: Some Terminological and Substantive Issues in Slavic Historical Linguistics: Reflections on the Periodizations of the Slavic Ancestral Language and the Labeling of its Chronological Divisions, *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 35/36. 299–323.
- Birbaum H., 1990: Zur Problematik des Urslavischen, in *Croatica–Slavica–Indo-europaea* (Wiener Slavistisches Jahrbuch, Ergänzungsband 8). 21–27.
- Carlton T.R., 1991: *Introduction to Phonological History of the Slavic Languages*. Slavica Publishers, Inc.
- Endzelynas J., 1957: *Baltų kalbų garsai ir formos*. Vilnius.
- Fraenkel LEW = Fraenkel E., *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 1. Göttingen, 1962.
- Golaž Z., 1992: *The Origin of the Slavs: a Linguist's View*. Columbus, Ohio.
- Holzer G., 1998a: Zur Rekonstruktion urslavischer Lautung, in Rusek J., Boryś W. (red.), *Prasłowiańszczyzna i jej rozpad*. Warszawa, 57–72.
- Holzer G., 1998b: Die ersten nachurslavischen lautlichen Innovationen und ihre relative Chronologie, *Linguistica Baltica*, IV. Cracow, 247–256.
- Jakobson R., 1929: Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. II (или: Jakobson R., *Selected Writings*, vol. I. The Hague, 1962, 7–16).
- Lamprecht A., 1987: *Praslovanština*. Brno.
- LKŽ = *Lietuvių kalbos žodynas*, t. I–XX. Vilnius, 1941–2002.
- Lunt H. G., 1997: Common Slavic, Proto-Slavic, Pan-Slavic: What Are We Talking About? I. About Phonology, *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, XLI. 7–68.
- Martinet A., 1952: Langues a syllabes ouvertes: le cas du slave commun, *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*, 6. 145–163 (с небольшими изменениями перепечатано в [Martinet 1955, 326–369]).
- Martinet A., 1955: *Economie des changements phonétiques*. Bern, 1955.
- Mažiulis V., 1970: *Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai*. Vilnius.
- Mikkola J.J., 1942: *Urslavische Grammatik*. II Teil. Konsonantismus. Heidelberg.
- Ott R.A., 1997: The sequence of the fall of final consonants in Common Slavic: 1) *-T 2) *-N 3) *-S or 1) *-N 2) *-T *3) *-S?, *Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes*, vol. XXXIX, nos. 3–4. 449–484.
- Reczek J., 1991: Najstarsze słowiańsko-irańskie stosunki językowe, in Reczek J., *Polszczyzna i inni języki w perspektywie porównawczej*. Warszawa–Wrocław–Kraków, 9–90 (впервые опубликовано в: Rozprawy Habilitacyjne Uniwersytetu Jagiellońskiego, nr 92. Kraków, 1985).
- Rusu V., 1970: Despre notiunea de tendența în evoluția fonetică, *Studii și cercetări lingvistice*, XXI(4). 495–497.
- Shevelov G.Y., 1965: *A prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic*. New York.
- Shevelov G.Y., Chew J. (Jr.), 1969: Open Syllable Languages and their Evolution: Common Slavic and Japanese, *Word*, 25. 252–274.

Słownik starożytności = *Słownik starożytności słowiańskich*. Encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych, t. 1–. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1961–.

Stieber Z., 1979: *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*. Warszawa.

Vaillant V., 1950: *Grammaire comparée des langues slaves. Phonétique*. Lyon–Paris.

E-mail: cekm@post.omnitel.net

Август 2003 г.

VALERIJ ČEKMAN

On the motive forces and causes of the Common Slavic law of the open syllable

The article comprises three essays. The first is a discussion of the major hypotheses in the literature concerning possible causes and chronology of the Common Slavic (CSI) law of the open syllable as presented in the well-known works of Bernshtein, Shevelov, Stieber, Carlton, and others.

It is demonstrated that the traditional explanations of this phenomenon either are *teleological* in nature (as if prescribing a general goal for some of the CSI developments), or are based on typologically unverified assumptions (such as generalization of the open syllables to all positions in a word).

The second essay considers the structure and primary properties of the so-called *dynamic model* of the tendency toward open syllables. It is noted, that an obligatory prerequisite to the development of this tendency is an open nature of all word-final syllables. So, the starting point for this tendency in CSI was the loss of all final consonants; the well-known simplifications of consonant clusters were caused by this change. The rise of the nasal vowels, the pleophony/metathesis of TǃRT-groups (where R represents both *r* and *l*), and, apparently, the development of prothetic consonants are also associated with this tendency. CSI changes that are not associated with the syllabic structure of a word should not be treated as realizations of the open-syllable law.

The typological data show also that the tendency toward open syllables in a given language usually is an effect of a strong substratum influence on that language. The last essay of the article discusses which language could produce such an influence on CSI. It is the author's opinion that the tendency toward open syllables, and other CSI innovations, were the result of influence from Scytho-Sarmatian dialects which could affected CSI dialects in the last centuries B.C. and the first centuries A.D. This proposal takes into account a series of hypotheses about the origin and development of the pre-historic Slavs by the outstanding Russian archaeologist Valentin Sedov.